

Ужин в доме Глории начался, как обычно. Свет заката погас, свечи освещали просторную столовую, но даже несколько зажжённых свечей не могли разогнать сумрак в углах, куда не доставал их свет.

За столом было довольно тихо. Адела и Ванесса по обыкновению сказали слова благодарности за труды и молча ели свой ужин. Лишь Грейс иногда подливала вина в бокал Азада, а когда ей подавали еду, говорила несколько ласковых слов.

Но хотя казалось, что вечер ничем не отличался от прежних, в столовой всё же будто стало немного больше молчания.

Глория тоже тихо ела свою еду, только одежда на ней сейчас была не такой, как днём: перед возвращением отца мачеха уже велела ей снять фартук.

И хотя она тоже сказала «папа, спасибо за труды», отцовский взгляд, изредка скользивший по ней, был холодным и исполненным отвращения.

От этого Глория невольно сжала ложку и, опустив взгляд, не смела встретиться с ним глазами, потому что очень боялась, что не сдержится и даст волю горечи и обиде.

Ведь он должен был быть самым близким ей человеком, а сам своими руками столкнул её в эту пропасть, где её мог обидеть каждый.

Адела и Ванесса молчали, но почти одновременно бросили на неё злорадные взгляды.

Глория опустила взгляд, слегка прикусила губу, наконец сдержала дыхание, отложила вилку, молча взяла ложку для раздачи еды, зачерпнула кукурузу со своей тарелки и положила её в тарелку Ванессы:

— Ванесса, ешь.

За тихим столом этот жест был очень заметен, но он был настолько неожиданным, что ещё недавно злорадствовавшая Ванесса изумилась и на миг не знала, как реагировать.

Она с некоторой мольбой взглянула на мать. Грейс тоже на мгновение опешила, но быстро пришла в себя и с улыбкой сказала:

— Ванесса, скорее поблагодари сестру.

Брови Ванессы слегка нахмурились, и она нехотя произнесла:

— Спасибо, сестра.

— Не за что, — молча ела кукурузу со своей тарелки Глория.

— Вот так и надо, — лицо Азада заметно смягчилось. Он взглянул на Грейс и улыбнулся: — Это ты её хорошо научила.

Грейс на миг замерла, но в следующее мгновение на её лице появилась заботливая улыбка:

— Это Глория послушная. Достаточно было раз ей объяснить, и она уже знает, что нужно уступать сёстрам.

— Мама, я тоже хочу больше кукурузы... — Адела смотрела по сторонам. Взглянув на тарелку Ванессы, где сладкой кукурузы было заметно больше, чем у неё, она перевела взгляд на тарелку Глории.

Но там и так оставалось мало, всего на три-четыре ложки, и Глория почти всё уже съела.

— Э-э... мама тебе положит, хорошо? — выражение лица Грейс слегка изменилось, она зачерпнула из своей тарелки.

— Не хочу, я хочу из тарелки Глории! — нахмурилась Адела.

— О, у Глории уже ничего не осталось, — с напряжёнными нервами терпеливо успокаивала её Грейс.

— У меня ещё есть немного, — раздался голосок девочки одновременно с тем, как последняя порция сладкой кукурузы упала в тарелку Аделы. — Всё тебе.

Но даже с этой порцией у неё вышло гораздо меньше, чем у Ванессы.

Глаза Грейс от такого поступка едва не округлились. Глядя на Глорию, которая с послушным видом молча ела, она уже не успела остановить недовольный голос Аделы:

— У Ванессы вон сколько!

— Я тебе дам, — успокаивала её Грейс.

— Не хочу твою, я хочу её! — закричала Адела.

— Ванесса, поделись немного с сестрой, хорошо? — дыхание Грейс сбилось. Она уже чувствовала, как нахмурился сидевший рядом мужчина.

— Не хочу! — напрямую отказалась Ванесса, и это в одно мгновение вызвало у Грейс сильнейшую головную боль.

— Эти... — договорить Адела не успела: Грейс зажала ей рот рукой и унесла с места.

— Она слишком расшумелась. Я пойду объясню ей, что к чему. Вы пока ешьте, — с извиняющейся улыбкой сказала Грейс, держа дочь на руках, обращаясь к Азаду.

— Иди, — нахмуренные брови Азада слегка разошлись. Он продолжил есть свой ужин, только взгляд его больше не падал на Глорию.

А в тёмном повороте коридора, когда Грейс отпустила дочь, та громко обвинила её:

— Мама, ты несправедлива!!!

— Тише, Адела. Вы обе попались на уловку Глории, — нахмурившись, Грейс зажала ей рот рукой. — Она хочет, чтобы вы с Ванессой поссорились, а потом чтобы папа выгнал вас!

Голос её был очень тихим, но этого хватило, чтобы Адела, дрожа, подавила плач. И всё же она не желала уступить:

— Папа не попадётся на уловку Глории.

— О, дорогая Адела, сейчас он ещё не так сильно вас любит, — со вздохом сказала Грейс. — Вам нужно ему угодить, нельзя его раздражать. Иначе всё может в любой момент перемениться, понимаешь?

Адела слегка прикусила губу, проявляя упрямство, но под нахмуренным взглядом матери всё же тихо кивнула:

— Я поняла.

— Умница. Мама любит вас обеих одинаково. Вы сёстры, а Глория — чужая. Вам нужно объединиться и выгнать её, — вытирая ей слёзы, Грейс обняла её и похлопала по спине.

— Да, я поняла, мама, — Адела тоже вытерла слёзы.

— Хорошо, улыбнись и иди признайся папе, что ты была неразумна и раздосадовала его, и что

больше так не будешь, — похлопав её по плечу, с улыбкой сказала Грейс.

— Угу, — кивнула Адела, вытерла слёзы, надела на лицо улыбку и пошла в столовую. Весело заговорила: — Папа, только что Адела была неразумна. Прошу, не сердись...

— О, ничего страшного. Я знаю, что ты разумная девочка, — Азад посмотрел на подбежавшую к нему девочку, которая так мило улыбалась. Раздражение, поднявшееся было от ссоры, исчезло. Он погладил её по голове: — Иди скорее ешь. Папа может поделиться с тобой кукурузой.

— Спасибо, папа! — на лице Аделы появилось радостное изумление. — Я люблю тебя больше всех, папа.

— Папа, я тоже хочу! — Ванесса не желала уступать.

Только в тарелке отца было больше всего сладкой кукурузы.

— Иди, и тебе дам, — Азад не скупился делиться кукурузой, потому что каждый раз её оставалось больше, чем он мог съесть.

— Ванесса, сначала поблагодари папу, — глядя на эту сцену, Грейс с улыбкой подошла, но её взгляд упал на тихо сидевшую Глорию, и в глазах промелькнула тень настороженности.

Азад ненавидел всё, что его раздражало. Он не любил заниматься домашними делами, поэтому ссоры и упреки снижали его расположение. Даже если казалось, что он очень любит двух её дочерей, стоило им поссориться между собой, и он тоже не был особенно мягок.

Глория раньше этого не знала. Она по глупости думала, что стоит ей пожаловаться на обиду, и она получит сочувствие.

Но на деле чем больше она так поступала, тем сильнее раздражала Азада. Ему нравились семейные отношения, которые поддерживались без его участия, а Глория явно этому не соответствовала.

И всё же она будто невзначай поделилась кукурузой и перестала вступать с Азадом в конфликт.

Это заставило Грейс задуматься: кто же научил её такому способу — разжигать ссору между Аделой и Ванессой?

Прежняя прислуга? Но она проверила почти всех и ничего не обнаружила.

— Глория, и тебе положу ложку кукурузы, — Азад не забыл про тихо сидевшую на месте дочь, хоть на душе у него и было неприятно из-за прежних слов.

— Спасибо вам, папа, — услышав это, Глория подвинула тарелку. Слегка прикусив губу, она сказала: — Спасибо, что приносите нам еду. Я поняла, что вчера была неправа.

Она опустила взгляд, и даже речь её звучала тихо. Азад положил кукурузу в её тарелку, и та обида в душе будто немного отпустила:

— Хорошо, что поняла. Впредь слушайся мать как следует, поняла?

Он был весьма доволен тем, что Грейс за один день сумела переменить мысли Глории, и ещё больше уверился, что прежние слова наверняка внушила ей какая-то злая служанка.

— Да, я поняла, — Глория слегка сжала пальцы, взяла свою тарелку. — Спасибо, папа.

— Угу, — с некоторым удовлетворением хмыкнул Азад, перевёл взгляд на Грейс и улыбнулся: — Это ты её хорошо научила.

— О, это всё, что я должна делать, — вовремя поправив выражение лица, Грейс села рядом с ним и улыбнулась. Но когда её взгляд упал на Глорию, настороженность в нём ничуть не уменьшилась.

В ночи раздался шум крыльев птицы. Даже если она иногда задевала ветви и листья, это не могло вызвать никакой тревоги.

Она вылетела из одного дома и беззвучно влетела в другое полуоткрытое окно, где горели свечи. Опустилась на жёрдочку рядом с человеком, который при свечах что-то писал за столом. А когда тот поднял взгляд и закрыл окно, птица начала повторять сегодняшние слова.

Речь была выразительной. Даже не видя той сцены, можно было представить историю, произошедшую за обеденным столом.

Кисть, прижатая к бумаге, всё это время не останавливалась. Лишь человек, стоявший у жёрдочки, слегка помахал рукой, заставив неподвижную птицу взмахнуть крыльями и перебраться на другое место. Юноша обернулся и сказал:

— Ты научил ту девочку разобщать двух дочерей Грейс?

— Да. У детей эмоциональный контроль не так устойчив, — услышав это, сидевший за столом человек остановил кончик кисти, поднял взгляд и улыбнулся. — Влияние проступка падчерицы будет только сильнее, чем проступка родной дочери.

Даже если Азад, казалось, очень любил их, это было лишь потому, что не возникало конфликтов. Стоило конфликту вспыхнуть, и эта хрупкая эмоциональная основа мгновенно рассыпалась бы в прах.

— Тогда почему ты не научил её этому с самого начала? — Аймод потёр клюв уклонявшейся птицы, получил лёгкий щипок, потёр пальцы, ткнул её в живот и ухмыльнулся.

— Если бы я научил её с самого начала, она, возможно, не стала бы этого делать, — тихо сказал Сюй Юань.

Её учили добру, но бросили в ад. Прежние правила поведения годились лишь для общения с чисто добрыми людьми, но в этом мире, где неосторожность могла обернуться гибелью, они не работали.

Если не переменить образ мыслей, останется лишь позволять себя тиранить и резать.

— Грейс не из тех, с кем легко справиться, — Аймода клюнули ещё дважды. Он оставил попытки дразнить эту птицу, потрудившуюся на славу, и, поддерживая мужчину за плечи со спины, сказал: — Думаю, она уже догадалась, что кто-то учит ту девочку. Когда она проверит всю прислугу в доме, то примется искать и у тебя.

Его тихие слова прозвучали у самого уха, неся прохладное дыхание моря. Сюй Юань обернулся, взял его руку, лежавшую у него на груди, и улыбнулся:

— Поэтому мне нужно создать им небольшие трудности.

— Ты не собираешься выгнать Грейс из того дома? — Аймод всё же предпочитал резать по живому, чтобы разом покончить с такой напастью.

— С характером Азада, лишись он этой жены, он найдёт другую, — улыбнулся Сюй Юань. — Его характер не изменится, и та же сцена может повториться.

Человеческая природа поддаётся влиянию среды. Когда обидеть человека не стоит никаких затрат, одна невольная оплошность — и со второго раза это может превратиться в постоянную снисходительность. Даже если не телесное, то душевное, неосознанное унижение. И даже добрый человек вряд ли сможет полностью этого избежать.

— Его характер... — Аймод немного подумал и с лёгкой насмешкой сказал: — Даже если он выберет добрую жену, он может начать обижать и её. Они с Грейс друг друга стоят.

Два негодяя — пусть не идут портить жизнь другим.

Сюй Юань поднял взгляд и невольно рассмеялся:

— Вот именно.

— М-м? И каков же дальнейший план? — Аймод взглянул на план, который тот всё время писал.

— Взрослые дела решают взрослые, — Сюй Юань отложил кисть и, перевернув первую страницу, улыбнулся.

— Ты не продолжишь учить её, как противостоять тому дому? — глядя на его план, спросил Аймод.

— Постоянно увязать в такой трясине — не есть хорошо, — опустив взгляд, тихо сказал Сюй Юань. — Если слишком долго в ней вариться, сохранить изначальную суть станет очень трудно.

— Угу, — глядя на эти мягкие глаза, Аймод тихо рассмеялся, обнял его за шею и плечи и спросил: — Что я могу сделать дальше?

— Мне нужно будет некоторое время быть занятым. Не хочешь ли стать ещё одним эльфом? — с улыбкой спросил Сюй Юань.

— Ты не боишься, что я испорчу её? — с лёгким удивлением спросил Аймод.

Бранд учил действовать постепенно и не спеша. А он, скорее всего, стал бы учить простым и грубым способам.

— Не боюсь, — Сюй Юань в ответ погладил его по щеке и тихо рассмеялся.

Его русал казался в делах очень спешащим, но на самом деле всё, что он делал, было глубоко продумано.

— Угу, раз ты так говоришь, — уголки губ Аймода приподнялись.

Учить людей — кажется, это интересно.

...

— Я не хочу эту, вон та мне нравится! — раздался в столовой голос Аделы, полный нетерпения.

— Но та заколка только одна. Ванесса попросила её у меня первой, — довольно тихо сказала Глория.

— Она попросила первой, и ты ей отдала? Но ведь я её первой присмотрела! — недовольно закричала Адела. Встретив самодовольный взгляд Ванессы и её руку, показывавшую ей заколку, она едва сдержала искажившееся лицо. — Я её первой присмотрела!

— Я первая попросила! — Ванесса вздёрнула подбородок и, заколов очень красивую заколку с самоцветом в волосы, повернула головой.

А эта самодовольная поза, несомненно, воспламенила гнев Аделы. Она даже хотела спрыгнуть со стула и броситься отнимать:

— Отдай!

— Ладно, всего лишь заколка. Можете носить её по очереди, — с некоторой тревогой глядя на ссорящихся дочерей, нахмурилась Грейс, подавая им знак. Но они сейчас совсем не понимали её намёков и не замечали, что брови Азада уже глубоко сдвинулись.

— Нет, я должна надеть её первой! — когда её удержали, Адела изо всех сил вырывалась.

А от её усилий даже Грейс не смогла удержать её как следует.

— Мама, ты только и знаешь, что любить сестру больше! — громко кричала она.

— О, нет. Просто всему есть свой черёд, — поспешно потянула её Грейс. — Мама отойдёт с тобой в сторону и поговорит, хорошо?

— Не хочу!

— Адела, прошу, не сердись. Можешь пойти ко мне и выбрать две заколки. Пусть они и не такие красивые, как та, но... — начала Глория.

— С какой стати?! — Адела ещё не успела успокоиться, как Ванесса, услышав это, первой закричала: — Я тоже хочу две!

Грейс машинально бросила на Глорию опасный взгляд:

— Ладно, не шумите пока. Глория...

— Бах! — звук удара по столу оборвал все звуки за столом. Почти все невольно подняли головы.

— Дорогой... — голос Грейс прозвучал с запинкой, но она заговорила первой.

— Что за бардак! Даже поесть спокойно нельзя! — голос Азада был тяжёл, и две ссорившиеся сестры мгновенно вздрогнули.

— Папа, это из-за Глории... — попыталась заговорить Адела, но Грейс зажала ей рот.

— Прости. Я тоже не ожидала, что Глория станет раздавать заколки за столом, — изо всех сил сдерживая дыхание, с улыбкой сказала Грейс. — Это они из-за неё расшумелись.

— Папа, я всё время работала, у меня совсем не было времени сходить в комнату за заколкой, — заговорила Глория.

От этого у Грейс на миг застыла кожа на голове. Встретив испытующий взгляд мужа, она лихорадочно принялась думать и, глядя на Глорию, улыбнулась:

— О, я лишь велела тебе научиться, разве можно было делать это целый день? Это служанки в доме не работают и всё на тебя свалили?

Слова её были очень мягки, но Глория, глядя на её дрожащие губы, чувствовала в душе радость и даже хотела выгнать её и двух сестёр прямо отсюда.

Но нельзя.

Всё, что с ней происходило, было делом отца. Выгонишь одну — появится другая. Он не мог не жениться, и она не могла вечно выгонять его жён.

Может, найдутся добрые люди, но им не следует позволять отцу себя обижать.

— Наверное, работы было слишком много, я делала немного медленно, — тихо прикусив губу, сказала Глория. — Прости, папа.

— Простите, я просто хотела слишком многому её научить, — под испытующим взглядом Грейс почувствовала себя неуверенно, но также осознала, что слишком поспешила.

Ей нужно было действовать помедленнее, чтобы он постепенно перестал замечать эту дочь.

Азад не сказал ни да, ни нет. Он лишь нахмурился, взглянул на царивший беспорядок и с раздражением поднялся:

— Чтобы я больше такого не видел.

— Хорошо, — Грейс тихо выдохнула. Обернувшись к Глории, она увидела, что та уже доела всё со своей тарелки, слезла со стула и сделала ей поклон.

— Мама, я поднимусь наверх отдыхать, — спокойно сказала девочка.

— Хорошо, отдохни как следует, — с волнением в душе, но всё же сохраняя подобающую улыбку, Грейс смотрела, как девочка исчезает на лестнице.

— Не забудь про мою заколку... — Адела всё никак не могла забыть об этом.

— Помолчи! — внезапно повысив голос, Грейс оборвала её. От этого обе дочери разом вздрогнули. Глядя на её помрачневшее, почти искажённое лицо, ни одна не смела издать ни звука.

— Обе идите за мной! — приказала Грейс, и две дочери молча слезли со стульев и, затаив дыхание, пошли к ней.

— Мама... — совсем тихо позвала Ванесса.

— Идите за мной, — с помрачневшим лицом Грейс увела их.

Она должна была заново их наставить. Если они и дальше будут так своевольничать, её брак кончится. А если их выгонят, жизнь всех трёх тоже кончится!

— Если вы не будете меня слушаться, то и без слова отца я сама смогу выбросить вас на улицу, жить в трущобах! — это была первая фраза Грейс, и она сразу напугала обеих дочерей до слёз. Но в следующее мгновение они подавили даже плач.

Потому что мать прикрикнула:

— Не смейте плакать! Иначе сейчас же убирайтесь отсюда!

Они дрожали, но больше не смели издать ни единого всхлипа.

— Слушайте хорошенько, — глядя на плачущих дочерей, Грейс всё же присела перед ними. — Не давайте Глории больше вас стравливать...

В потаённой комнате звучали тихие речи. В столовой царил беспорядок. Глория сидела в уже прибранной комнате и смотрела на свою шкатулку с украшениями, в которой теперь недоставало нескольких вещей.

Там было много красивых украшений — их готовила для неё мама, когда была жива. Она так её любила, готовила ей красивые платья, красивые заколки. Когда-то они были дружной семьёй.

Но когда она ушла, всё изменилось.

Если не сумеешь себя защитить, все эти прежние вещи будут потеряны. Значит, лучше заранее использовать то, что можешь потерять, для ответного удара — только так, возможно, удастся сохранить хотя бы часть.

И когда она это сделала, то обнаружила, что отец на самом деле не так уж любит мачеху и двух её дочерей. И её он, конечно, тоже не так уж любит. Он лишь в хорошем настроении готов подарить немного жалости.

В душе разливалась прохлада, будто медленно расползаясь по всему телу. Глория поднялась от шкатулки и выглянула в окно, в сторону лесной рощи.

К счастью, у неё ещё есть мама, ещё есть господин эльф, который всё время рядом. Она непременно сможет и дальше жить стойко.

...

Солнце было тёплым, свет ложился на надгробие у могилы. Из лесной рощи доносились смутные птичьи голоса, иногда птицы пролетали перед глазами.

У них было красивое оперение, они пели живо и, казалось, не знали никаких забот.

Глория сидела на коленях перед надгробием, вглядываясь и вслушиваясь. Впервые она не плакала. Но даже тепло солнца на коже, казалось, не могло разогнать холод в душе.

— Мама, я снова пришла к тебе, — Глория легонько погладила надгробие, смахнула с него упавшие листья. — Я буду жить хорошо, прошу, не тревожься. Если кто-то снова меня обидит, прошу, тихо приходи ко мне во сне и расскажи, в чём они провинились и какая кара Божья их в конце концов постигнет. Тогда я смогу и дальше держаться.

Листья легонько дрогнули, свет и тень на миг переменились. Глория слегка сжала край платья и лишь когда раздался тот мягкий голос, выдохнула с облегчением.

— Она уже ушла.

— Она и правда пришла сюда следом, — Глория обернулась и взглянула на дорогу, по которой пришла. Пот на её ладонях ещё не исчез.

Она и поражалась настороженности мачехи, и восхищалась даром предвидения господина эльфа.

<http://bllate.org/book/18299/2272736>